

Н. В. Зиневич

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Цель статьи – выявление специфики языкового выражения когнитивно-коммуникативных категорий интенциональности и субъектности в дискурсе науки и установление характера их взаимодействия. Анализ показал, что в жанре научно-исследовательской статьи автор может проявлять свое присутствие как субъект познания, субъект мнения и оценки, а также субъект речи. В статье доказывается, что данные аспекты авторского начала, как и средства их реализации, напрямую зависят от экстралингвистической основы коммуникации в целом и коммуникативной интенции адресанта в частности.

В последнее время можно говорить о стремительном развитии *когнитивно-дискурсивной парадигмы* в лингвистике, которая во многом стала пунктом пересечения основных положений антропоцентризма и в качестве ведущего принципа заявила изучение речевой деятельности в ее обусловленности максимально широким спектром экстралингвистических фактов [1, с. 7]. При этом одна из ведущих позиций при анализе отводится когнитивной деятельности, т.е. комплексу мыслительных процессов, определенных структур знания и психологических параметров участников речевой коммуникации [2, с. 17].

Пристальное внимание к ситуативному контексту, в котором функционируют речевые сообщения, не случайно и вызвано его основополагающим влиянием на все аспекты речепроизводства [3, с. 253]. Так, в частности, интенция отправителя сообщения «содержательно выстраивает материал в тексте и тем самым организует речевую фактуру» [Там же, с. 254], определяя «семантическую структуру дискурса, коммуникативные стратегии, языковые маркеры семантических компонентов и стратегий» [4, с. 29]. Отсюда можно сделать вывод о том, что намерения и установки коммуникантов обеспечивают непосредственную регуляцию их речевого поведения [2, с. 17].

Целью данной статьи является выявление специфики языковой реализации коммуникативных интенций говорящего на примере исследовательской статьи как особого жанра научного дискурса. Кроме того, в фокус внимания попадает вопрос о формах возможного взаимодействия в речи таких генетически связанных компонентов экстралингвистической ситуации, как интенции субъекта речи, с одной стороны, и его личность, с другой. Данные факторы актуализируются в тексте с помощью соответствующих коммуникативно-дискурсивных категорий интенциональности и субъектности.

Категория интенциональности. Подходы к определению и существенные характеристики. Согласно Л. Р. Дускаевой, **интенциональность** является «одним из важнейших компонентов речевой деятельности» и трактуется как «присущее субъекту намерение к порождению речи» [3, с. 253]. При этом автор особо подчеркивает, что категория интенциональности – комплексный «многослойный» феномен, включающий иерархию интенций различной

направленности. Нижнюю ступеньку в данной иерархии занимают дескриптивные интенции, связанные с отражением окружающей действительности [5, с. 53]. Однако, как полагает Л. Р. Дускаева, фактуальная сторона сообщения в значительной мере предопределяется интенциями более высокого ранга, а именно целенаправленной активностью сознания адресанта, ориентированного на создание сообщения с учетом личного опыта и ожидаемого воздействия на аудиторию [3; 5]. Таким образом, у Л. Р. Дускаевой и ее последователей дается широкое определение категории интенциональности как иерархически организованной системы интенций дескриптивного и модального планов.

В более узком понимании интенциональность может трактоваться как категория сугубо коммуникативного плана, а именно как глобальная авторская интенция, организующая весь процесс коммуникации в соответствии с осуществлением того или иного воздействия на адресата [4, с. 18]. При этом различия в коммуникативных ситуациях предопределяют дискурсо- и жанроспецифический характер авторских интенций.

Таким образом, различные авторы могут подходить к определению интенциональности с различных позиций, что, тем не менее, не отрицает практически единодушного признания за данной категорией следующих существенных признаков. Прежде всего, это ее текстообразующий характер, а именно фундаментальное влияние на текст в совокупности его формальных и смысловых составляющих. Кроме того, можно говорить о том, что интенциональность интегрирует все другие категории текста и языка, выступая среди них в роли своеобразной доминанты [6]. Также исследователи сходятся в понимании языковой личности как агента коммуникативно целесообразного употребления языковых средств [3, с. 255]. Как следствие, интенциональность всегда сопряжена с достижением адресантом определенного результата, под которым имеется ввиду то или иное воздействие на адресата [5, с. 52].

При наличии существенных подвижек в изучении интенциональности (прежде всего на материале русско- и англоязычного медиадискурса), необходимо отметить недостаточную разработанность данной перспективной проблематики в контексте всего жанрово-дискурсивного разнообразия языков. Таким образом, выявление и последующее сопоставление ведущих интенций авторов различных типов речевых сообщений представляет собой актуальную задачу.

Определение категории субъектности. Актуализация субъектности в научном дискурсе. Современная лингвистика в качестве исходного принципа использует идеи антропоцентризма и, как результат, постулирует главенствующий статус языковой личности во всех аспектах речевой деятельности. Вполне закономерен, таким образом, повышенный интерес исследователей к вопросам актуализации человеческого начала на текстовом пространстве, что находит отражение в активизации внимания к коммуникативной категории субъектности. Т. П. Карпилович рассматривает субъект-

ность в широком плане, определяя ее как категорию, «предполагающую все возможные формы участия говорящего в высказывании» [7, с. 48]. При этом констатируется сложный характер данного феномена, что связывается с возможностью выделения в нем субкатегорий адресанта, адресата, а также других участников сообщения [Там же, с. 9–13]. В настоящей работе субъектность в научной коммуникации будет рассматриваться на примере только одного компонента, а именно субкатегории адресанта.

Не вызывает сомнений тот факт, что человеческая личность является многогранной по своей сути и в каждой новой ситуации проявляет уникальные конфигурации различных своих сторон (интеллект, эмоции, воля и т.д.). Так, И. П. Тарасова говорит о том, что для целей общего лингвистического анализа в структуре личности коммуниканта могут быть выделены «Я телесное (физическое, физиологическое), Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое и Я речемыслительное» [8, с. 105]. Уточняя данную классификацию применительно к научному дискурсу, нами было обнаружено, что автор-ученый активно позиционирует себя в таких ипостасях, как *субъект познания, субъект речевой деятельности, а также субъект мнения и оценки* [9]. Проследим далее, как данные формы проявления авторского начала реализуются в жанре исследовательской статьи на английском и белорусском языках.

Анализ фактического материала показал, что для представления себя как **субъекта познания** ученый прибегает к глаголам и их дериватам со значениями зрительного восприятия и различных этапов мыслительной деятельности: *As we saw earlier; (From this example) we may infer the following...; The study found that...; Калі падвесці вынікі зробленим назіранням...; З назіранняў бачна, што...; Як было высветлена...* и т.п. Из примеров можно увидеть, что на текстовой плоскости автор стремится в той или иной форме репродуцировать те фазы интеллектуального поиска, через которые он прошел в процессе научного познания. В самом общем виде данные когнитивные этапы можно представить в следующем виде: обнаружение проблемной ситуации – гипотеза – доказательство гипотезы – вывод [10, с. 23].

Особую группу среди маркеров присутствия автора как субъекта познания составляют коннекторы (союзы, союзные слова, вводные слова и выражения), отражающие, с одной стороны, ход рассуждения ученого, а с другой, логику повествования: *moreover, on the contrary, in particular, in addition; але, аднак, акрамя гэтага, наадварот* и т.п.

Если проанализировать представленность индикаторов автора как субъекта познания в жанре исследовательской статьи, можно обнаружить, что они преобладают среди других форм реализации категории субъектности, составляя 57 % в англоязычном материале и 63 % в белорусскоязычном. Тем самым доказывается не только ориентированность научной статьи на отражение процесса и результатов познания, но и преимущественная нацеленность автора на представление себя в роли субъекта, вырабатывающего объективное и достоверное знание.

Вместе с тем нельзя утверждать, что в исследовательской статье отражается только беспристрастный научный поиск. Так, дальнейший анализ показал, что в данном жанре достаточно частотными являются случаи выражения автором не только объективного верифицируемого знания, но и **мнения** (чья достоверность может быть подвергнута сомнению) – по 23 % в англо- и белорусскоязычном материале.

Свое субъективное отношение к достоверности сообщаемого автор может варьировать в терминах категоричности, высказывая мнения как с большей, так и с меньшей степенью убежденности: *Вылучаныя намi характарыстыкі, мяркуем, можна лічыць і фармальнымі паказчыкамі прагматычнай маркіраванасці (экспрэсіўнасці) усяго сказа/выказвання* (Весці НАН Беларусі, 2007). В качестве основных экспликаторов здесь задействуются предикаты *think, believe, seem, appear; выказаць думку, меркаваць, лічыць* и т.п. Кроме того, актуализации автора как субъекта мнения способствуют вводные слова и выражения с соответствующей семантикой: *apparently, clearly, of course, perhaps; ясна, відавочна, на нашу думку, на наш погляд*, а также модальные глаголы со значением вероятности *can, could, may, might, must; магчы: Finally, metaphor can be seen as the message from which the text departs* (metaphoric.de).

Что касается прагматики субъективно отмеченных категоричных высказываний, то их целесообразность в дискурсе науки очевидна ввиду мощного убеждающего воздействия [11]. Некатегоричные сообщения также обладают значительным прагматическим потенциалом, способствуя уменьшению доли авторской ответственности за соответствие высказываемого действительности, что является действенным средством сохранения собственного лица [12]. Кроме того, сниженная категоричность может придавать авторскому монологу форму «открытого конца», не исключая альтернативные точки зрения и обращенного к будущим разработкам [10, с. 57]. Также, смягчение категоричности помогает осуществить отрицательную оценку других исследователей корректно и в соответствии с принятыми в научном сообществе канонами кооперативности: *The whole issue does not seem very decisive*.

Продолжая анализ **оценки** в научном дискурсе, необходимо подчеркнуть, что при актуализации данного аспекта своего мнения автор-ученый закономерно стремится выразить не эмоциональное, а рациональное отношение к объекту исследования. Следовательно, в языке науки преобладают предикаты рациональной оценки сообщаемого с точки зрения таких аксеологических характеристик, как важность, полезность, целесообразность, соответствие стандарту: *Thus, the thesis <...> is untenable* (Style, 2006). Основными языковыми актуализаторами в данном случае будут выступать оценочные прилагательные, а также наречия-интенсификаторы со значением степени проявления некоторого признака/действия: *completely, considerably, fully, largely, overwhelmingly, to a certain extent, to the fullest; вельмі, досыць, значна, максімальна, пераважна, поўнасьцю, у значнай ступені, цалкам*.

И, наконец, третьей ипостасью, в которой может выступать адресант научного текста, является **субъект речевой деятельности**. Данная форма

проявления авторского начала также распространена в исследовательской статье и составляет по 16 и 14 % в англо- и белорусскоязычном материале соответственно. Анализ показал, что как субъект речи автор научного произведения может быть ориентирован, с одной стороны, на организацию собственного текста, а с другой, на адресата. Так, метатекстовые элементы типа *to recap, to summarize; падсумоўваць, падагульняць* в первую очередь призваны структурировать сообщение, преподнося его сквозь призму авторского творческого начала: *Падсумоўваючы вынікі аналізу, адзначым: колькасць структурных мадэляў для выражэння эмацыянальнага стану асобы значна ўступае колькасці мадэляў, што перадаюць эмацыянальныя адносіны чалавека да каго-/чаго-небудзь* (Веснік БДУ, 2006).

Что касается экспликации автора-субъекта речи как агента, целенаправленно сообщающего научное знание своей аудитории, то в данной функции активно используются глаголы речевой деятельности и передачи информации: *remark, claim, say, show; казаць, канстатаваць, адзначаць, паказваць* и т.п.: *As was said earlier, print novelists have experimented with the technique of immersing the reader in a scene of dialogue with little or no contextual framing...* (Narrative, 2007).

В заключение рассмотрения форм автореференции в научной исследовательской статье отметим, что среди них абсолютно преобладают косвенные индикаторы и при этом прямые средства (т.е. личные местоимения первого лица *I, we; я, мы*) сводятся к минимуму. Доминирование косвенных средств самовыражения доказывает желание автора представить себя в первую очередь как члена коллектива, участвующего в совместном поиске объективного и достоверного знания, и четко согласуется с главной имиджеобразующей задачей научной коммуникации – быть принятым в качестве легитимного члена научного сообщества.

Взаимодействие категорий интенциональности и субъектности в научном дискурсе. Традиционно в качестве основной цели научной коммуникации постулируется сообщение информации [13, с. 336]. Однако такая формулировка является слишком общей, а проведенное исследование убеждает в необходимости ее уточнения. Представляется, что в качестве ведущей коммуникативной интенции автора научного дискурса правомерно говорить об *информирующем воздействии*: очевидно, что в его задачи входит не только передача информации, но и ее принятие квалифицированным адресатом как правомерной. Для достижения данной цели адресанту необходимо учитывать особенности экстралингвистической ситуации, в частности, условия протекания коммуникации и характеристики ее основных участников. Общепринятыми в научной среде параметрами легитимности информации являются ее объективность, беспристрастность, обоснованность, обобщенность и актуальность [14]. Следовательно, основную коммуникативную интенцию адресанта научно-исследовательского дискурса можно сформулировать как *сообщение объективной и обоснованной научной информации об актуальной исследовательской проблеме с последующим убеждением адресата-эксперта в ее правомерности*.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает основополагающую роль интенциональности в формально-содержательном представлении

жанра научно-исследовательской статьи, в частности, применительно к реализации категории субъектности. Так, превалирование косвенных средств самовыражения является очевидным свидетельством в пользу стремления придать изложению максимально беспристрастный, лишенный признаков открытой субъективности характер. Убеждению в объективности результатов исследования также служит преимущественное использование рациональной оценки.

Что касается видов присутствия автора в тексте, то значительное доминирование среди них маркеров автора как субъекта познания отчетливо говорит о попытке обосновать сообщаемое знание путем демонстрации принятого в научном сообществе пути его формирования (от выявления проблемной ситуации к формулированию выводов). Этой же цели способствуют категоричные высказывания, косвенно свидетельствующие об уверенности автора и точности проведенного исследования.

Особого внимания в данном анализе заслуживает роль показателей мнения, чья достаточно высокая частотность находится в видимом несоответствии с требованием беспристрастности и определенности научного знания. Как было показано, субъективно окрашенные высказывания мнения вносят свой вклад в повышение убеждающей силы сообщения, нацеленного на узкий круг аудитории – специалистов.

Таким образом, можно заключить, что выявленные особенности выражения категории субъектности в научной исследовательской статье непосредственно отражают все аспекты ведущей авторской интенции, состоящей в убеждении узкого круга экспертов в объективности и обоснованности сообщаемой информации. Данная целеустановка, в свою очередь, предопределяется типовыми особенностями широкой экстралингвистической ситуации, в которой осуществляется научная коммуникация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
2. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : URSS, 2015. – 304 с.
3. *Дускаева, Л. Р.* Интенциональность речевой деятельности журналиста: Онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. – 2012. – Вып. 2. – С. 253–260.
4. *Карпилович, Т. П.* Способы языковой реализации интенциональности в проблемном медиадискурсе / Т. П. Карпилович // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 4. – С. 27–33.
5. *Дускаева, Л. Р.* Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 51–57.
6. *Кулько, О. И.* Интенциональность как категория летописного текста : на материале Галицко-Волынской летописи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. И. Кулько. – Волгоград, 2002. – 198 л.

7. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
8. *Тарасова, И. П.* Структура смысла и структура личности коммуниканта / И. П. Тарасова // *Вопр. языкознания.* – 1992. – № 4. – С. 103–110.
9. *Зиневич, Н. В.* Прагматика научных обобщений в аспекте фактора адресанта / Н. В. Зиневич // *Контрастивные исследования языков и культур : материалы II междунар. науч. конф., Минск, 27–28 окт. 2015 г. : в 2 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.].* – Минск, 2017. – Ч. 1. – С. 13–18.
10. *Чернявская, В. Е.* Научный текст и его филологическая интерпретация : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 88 с.
11. *Малышкин, К. Ю.* Семантико-прагматический подход к изучению категоричности высказывания / К. Ю. Малышкин // *Ом. науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность.* – 2013. – № 4 (121). – С. 121–123.
12. *Цапко, В. И.* Семантическое и прагматическое соответствие англоязычных и русскоязычных некатегоричных высказываний (на материале лингвистических текстов) / В. И. Цапко // *Вестн. ПГЛУ.* – 2008. – № 4. – С. 105–111.
13. *Арнольд, И. В.* Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Изд. 9-е. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
14. *Троянская, Е. С.* Лингвостилистические исследования немецкой научной литературы / Е. С. Троянская ; отв. ред. В. Д. Девкин. – М. : Наука, 1982. – 310 с.

The paper looks into the linguistic specifics of the ways the communicative categories of intentionality and subjectivity correlate with each other in the scientific discourse. It has been found out that all forms of the author's presence in the scientific text are determined by his/her intention and extralinguistic situation in general.

Поступила в редакцию 24.01.2019

К. А. Котов

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена анализу лексических заимствований из португальского языка в современном английском языке. Цель исследования – предоставить семантическую классификацию заимствованной лексики и выделить соответствующие лексико-семантические группы. Такая классификация носит междисциплинарный характер, поскольку семантика заимствований отражает не только лингвистический аспект взаимодействия языков, но и особенности внеязыковой действительности, определяющие вектор данного взаимодействия на протяжении истории народов, которые являются носителями этих языков и культур.

Фрагментарный характер аналогичных исследований как в русскоязычных, так и в иностранных источниках, отсутствие подробной семантической классификации португальских заимствований, практический интерес в области языкознания, а также смежных гуманитарных наук, в первую очередь истории и культурологии, определяют актуальность данной работы.

Динамичный характер развития любого естественного языка как системы наиболее очевиден в диахроническом срезе, который не только свидетельствует о значительности изменений на всех языковых уровнях, но также